

Милль Джон Стюарт

О свободе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джон Стюарт М.**
О свободе / Милль Джон Стюарт – М.: Книга по Требованию, 2022. – 255 с.

ISBN 978-5-519-96526-2

ISBN 978-5-519-96526-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Дорогой и оплакиваемой памяти той, которая была вдохновителемъ, а отчасти и создателемъ всего, что есть лучшаго въ моихъ сочиненіяхъ, другу и женѣ, которой возвышенное чувство истины и права служило мнѣ сильнѣйшимъ побужденіемъ, и которой одобреніе было лучшей моей наградой, — посвящаю я эту книгу. Какъ все, что я писалъ въ послѣдніе годы, она принадлежитъ столько же ей, какъ и мнѣ; но сочиненіе это, какимъ я его печатаю въ настоящее время, имѣло лишь въ незначительной степени неоцѣненное преимущество быть пересмотрѣннымъ ею; многія изъ самыхъ важныхъ мѣстъ должны были быть подвергнуты строгому пересмотру, какого они теперь ни-

когда не дождутся. Еслибы я былъ въ состояніи передать міру половину возвышенныхъ мыслей и благородныхъ чувствъ, которыя схоронены съ нею въ могилѣ, — я бы оказалъ ему большую услугу, чѣмъ всѣмъ, что я въ состояніи написать безъ одобренія и безъ помощи ея несравненнаго ума.

.

134

1700

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНІЕ.

Предметъ этой книги есть не такъ называемая свобода воли, столь несчастно противопоставляемая неудачно-называемому ученію о философской необходимости, — но гражданская или общественная свобода, сущность и предѣлы власти, которую общество можетъ законно имѣть надъ личностью: — вопросъ, рѣдко затрогиваемый, и который едва былъ обсужденъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, но который оказываетъ такое огромное вліяніе на практическую сторону всѣхъ современныхъ споровъ, незамѣтно присутствуя во всѣхъ ихъ, и который вѣроятно скоро будетъ признанъ за жизненный вопросъ будущаго. Вопросъ этотъ такъ не новъ, что въ извѣстномъ смыслѣ онъ занималъ человѣчество даже съ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ; но на той степени прогресса, въ которую

вступила теперь наиболѣе цивилизованная часть людей, — вопросъ этотъ является при иныхъ условіяхъ, представляется съ другой стороны и требуетъ инаго и болѣе глубокаго анализа.

Борьба между свободой и властію составляетъ самую выпуклую черту той части исторіи чело-вѣчества, которая намъ наиболѣе извѣстна, и особенное исторіи Греціи, Рима и Англіи. Но въ древности борьба эта происходила между подданными, или нѣкоторыми классами подданныхъ и правительствомъ. Подъ именемъ свободы разумѣлась защита противъ тираніи политическихъ вождей. Правители считались вездѣ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ демократическихъ государствъ Греціи), какъ бы въ необходимомъ антагонизмѣ съ народомъ, которымъ они управляли. Правительство было въ рукахъ одного человѣка, или принадлежало племени, или кастѣ, выводившимъ свою власть изъ права наслѣдства, или завоеванія, и во всякомъ случаѣ не обязаннымъ ею волѣ управляемыхъ, которыхъ вожди не рисковали, а можетъ быть и не желали ставить въ вопросъ, могли ли быть взяты какія нибудь предосторожности противъ притѣснительнаго употребленія ими власти. На власть ихъ смотрѣли, какъ на что-то необходимое, но также, какъ на что-то очень опасное,

какъ на оружіе, которымъ они покушались дѣйствовать противъ подданныхъ, точно такъ-же какъ и противъ враговъ. Чтобы не допустить слабѣйшаго изъ членовъ общины быть растерзану безчисленными коршунами, въ самой общинѣ необходимо должно было находиться одно хищное животное, сильнѣе всѣхъ другихъ, которое обязано было бы отгонять этихъ коршуновъ. Но такъ какъ царь коршуновъ былъ не менѣе ничтожнѣйшей изъ гарпій склоненъ похитить что-нибудь изъ стада, то необходимо было стоять вѣчно на сторожѣ и противъ его клюва и когтей. Такимъ образомъ цѣль патріотовъ состояла въ томъ, чтобы обозначить границы власти, которую позволялось вождю употреблять противъ общины, — и это-то ограниченіе и составляло то, что они называли свободой. — Къ ней стремились двумя путями; во первыхъ домогались признанія извѣстныхъ льготъ, называемыхъ политическими правами, которыя считались какъ бы брешей, сдѣланной въ повиновеніи, которымъ каждый былъ обязанъ правителю, и съ пріобрѣтеніемъ которыхъ, въ случаѣ нарушенія ихъ государемъ, частное сопротивленіе считалось уже законнымъ. Второе и обыкновенно послѣднее средство состояло въ конституціонномъ ограниченіи, при которомъ согласіе общины, или

части чего-то въ этомъ родѣ — становилось необходимымъ условіемъ для каждаго, или только важнѣйшихъ проявленій правительственной власти. — Ограниченію перваго рода въ большей части европейскихъ государствъ правительственная власть должна была покориться. Не такъ было съ ограниченіемъ конституцѣоннымъ, и достигнуть его, или — если оно уже существовало въ нѣкоторой степени — пріобрѣсть его вполнѣ, стало вездѣ главною цѣлью всѣхъ друзей свободы. И пока человечество довольствовалось тѣмъ, чтобы побивать одного врага другимъ, и быть управляемымъ господиномъ съ условіемъ имѣть болѣе или менѣе гарантій противъ его тираніи, — они не переносили своихъ стремленій за эту черту.

Настала однако эпоха въ Историческомъ развитіи человечества, когда люди перестали считать необходимымъ, чтобы правители имѣли независимую власть, противную ихъ интересамъ. Людямъ показалось гораздо лучше, чтобы различные государственные чиновники были ихъ уполномоченными, смѣняемыми по произволу. Казалось, такимъ только образомъ они могли быть вполнѣ увѣрены, что власть правительства не можетъ быть превышена и обращена противъ нихъ. Мало по малу это новое требованіе выборныхъ и смѣняемыхъ

правителей стало главнымъ предметомъ всѣхъ усилій народной партіи, гдѣ она только существовала, и по большей части замѣнило собой усилія ограничить власть правителей. Пока продолжалась борьба за то, чтобы поставить существованіе правительственной власти въ зависимость отъ періодическихъ выборовъ, — нѣкоторые начали думать, что ограниченію самой власти придавали прежде слишкомъ много важности. Въ этомъ періодическомъ избраніи (такъ могли думать) заключалась самая лучшая защита противъ правителей, интересы которыхъ обыкновенно были противны народнымъ. Все дѣло состояло теперь въ томъ, чтобы правители составляли одно съ народомъ, чтобы ихъ интересы и воля были интересами и волею самаго народа. Народу не зачѣмъ защищаться противъ собственныхъ желаній; нельзя опасаться, чтобы онъ сталъ собственнымъ тираномъ. Пусть правители будутъ дѣйствительно отвѣтственны предъ народомъ, быстро смѣняемы имъ, — и онъ можетъ смѣло ввѣрять имъ власть, которой употребленіе будетъ обозначено имъ самимъ. Власть правителей будетъ просто народная власть, но сосредоточенная и получившая удобную для дѣйствія форму. — Этотъ образъ мыслей, или лучше, быть можетъ сказать — этотъ родъ чувствъ — былъ

свойственъ послѣднему поколѣнію европейскихъ либераловъ, между которыми на континентѣ онъ господствуетъ, кажется, и до сихъ поръ. Тѣ, которые допускаютъ нѣкоторое ограниченіе власти правительства, — исключая случаевъ существованія такого правительства, которое, по ихъ мнѣнію не должно и существовать, — эти люди стоятъ въ сторонѣ, какъ блестящее исключеніе между политическими мыслителями континента. Подобное на правленіе чувствъ могло бы въ наше время существовать и въ Англіи, если бы продолжали дѣйствовать обстоятельства, которыя извѣстное время поддерживали его.

Но въ политическихъ и философскихъ теоріяхъ, такъ-же какъ и въ людяхъ, успѣхъ обнаруживаетъ недостатки и ошибки, которые при неудачѣ ускользнули бы отъ наблюденія. Мысль, что народъ не имѣетъ нужды ограничивать собственную власть, можетъ казаться справедливою, когда народное правительство существуетъ только въ воображеніи, или читаешь о немъ, какъ о существовавшемъ довольно давно. Эта мысль не была уничтожена такими временными уклоненіями, какъ была французская революція, худшая сторона которой состояла въ томъ, что она привела къ узурпаціи, и которая въ всякомъ случаѣ не была ре-

результатомъ постояннаго стремленія къ народнымъ учрежденіямъ, но дѣломъ внезапнаго и конвульсивнаго взрыва противъ монархическаго и аристократическаго деспотисма. Но однакоже въ извѣстное время демократическая республика заняла большую часть поверхности земли и заявила себя, какъ одинъ изъ сильнѣйшихъ членовъ семьи государствъ; выборное и отвѣтственное правительство стало предметомъ изученія и критики, которыя занимаютъ каждымъ великимъ существующимъ фактомъ. Никто не замѣчалъ, что такія выраженія, какъ „самоуправленіе“ и „власть народа надъ самимъ собой“, не выражали вовсе дѣйствительнаго смысла дѣла. „Народъ“, въ рукахъ котораго власть, вовсе не тотъ самый народъ, противъ котораго она употребляема, и такъ называемое „самоуправленіе“ вовсе не есть управленіе каждаго самимъ собой, но управленіе остальныхъ людей каждымъ. Воля народа, кромѣ того, — выражаясь языкомъ, согласнымъ съ практикой, — есть воля наибольшей и самой дѣятельной части народа, большинства, или тѣхъ, которые успѣютъ заставить признать себя за большинство: слѣдовательно, народъ можетъ желать притѣснить часть самаго себя, и предосторожности также необходимы въ этомъ случаѣ, какъ и при всякомъ

превышеніи власти. И такъ, ограниченіе власти правительства надъ отдѣльными лицами ничуть не теряетъ своей важности, когда люди, въ рукахъ которыхъ находится власть, по законамъ, отчитываются предъ общиной, т. е. предъ сильнѣйшей частью ея. Этотъ взглядъ на вещи, одинаково понятный и уму мыслителей, и наклонностямъ тѣхъ значительныхъ клоновъ европейскаго общества, которымъ противны дѣйствительные или мнимые интересы демократіи, не встрѣтилъ препятствій къ своему утвержденію, и въ настоящее время въ политикѣ „тиранія большинства“ считается въ числѣ тѣхъ золъ, противъ которыхъ общество должно быть на сторожѣ.

Тиранія большинства, какъ и прочихъ тираній, въ началѣ, да обыкновенно и до сихъ поръ боялись, — когда она проглядывала въ дѣйствіяхъ общественныхъ властей. Но люди мыслящіе дошли до заключенія, что если общество есть тиранъ обществъ, какъ существа собирательнаго, или-отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ оно состоитъ, — то его тиранія не ограничивается тѣмъ, что оно дѣлаетъ руками своихъ политическихъ дѣятелей. Общество можетъ исполнять и исполняетъ свои собственныя постановленія; но если постановленія не могутъ сдѣлаться закономъ, или если они коснутся